

ЛЕСКИНЕН Мария Войттовна / Maria LESKINEN

| «Физиономии» и типы России |

ЛЕСКИНЕН Мария Войттовна / Maria LESKINEN

Россия, Москва.

Институт славяноведения Российской Академии наук.

Отдел истории культуры славянских народов.

Ведущий научный сотрудник, доктор исторических наук.

Russia, Moscow.

Institute for Slavic studies Russian Academy of Sciences.

Department "History of Slavic nations' culture".

A historian, Dr. Hab, leading research fellow.

marles70@mail.ru

«ФИЗИОНОМИИ» И ТИПЫ РОССИИ: ИЗОБРАЖЕНИЯ ВЕЛИКОРУСА В НАРОДООПИСАНИЯХ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

Статья посвящена рассмотрению основных принципов репрезентации (визуальной и вербальной) великоруса в российских научных и научно-популярных народоведческих описаниях второй половины XIX в. Рассматривается обусловленность способов изображения «великорусскости» категориями тип / типичное, жанром «физиологий» / «типов», а также традициями живописных изображений «народов Империи». Принцип иллюстративности начиная с XVIII в. также диктовал особенности воплощения этнических образов в научной литературе, а полемика вокруг способов объективно-научного выявления признаков типичного великоруса, актуализировавшаяся в 1860-е гг. в связи с вариативностью великорусского этнического типа, определяла формы и способы визуализации «великорусскости». Несмотря на активное привлечение фотографии, противоречия не были устранены, и научно-антропологическая и «интуитивно-обывательская» методологии установления типа функционировали одновременно вплоть до конца столетия.

Ключевые слова: история русской этнографии, национальная идентичность русских, Российская Империя, вторая половина XIX в., великорусы, визуализация этничности

“Physiognomia” and “types” of Russia: Images of Great Russians in Anthropological and Ethnological Russian Empire Descriptions from the Second Half of the 19th Century

The descriptions were considered to be the major research procedure, which was to determine the distinctive features - including both external appearance and “the Spirit” (psychology, character) – of Russian people. The principle of illustrativity has dictated the forms and methods of ethnos’ representations in the scientific literature since the 18th century. Discussions about ways to objectively-scientifically reveal ethnically-typical Great Russians, which took place in 1860s (because of the diversity of the Great Russian ethnic type at that time), have defined both the similarities and distinctions of this image. The contradictions have not been eliminated, in spite of the use of photographic images in ethnological descriptions; both scientific-anthropological and “intuitive” methodology functioned simultaneously till the end of century. The definitions of type/ typical in Russian humanities language has played a dominating role in the formation of ethnic physiognomical conception (with its opposition external / internal) and in the manner of visual representations of Russians (Great Russians). It has also defined the tendency and canons of the visual and verbal images of Great Russians in Russian scientific and popular ethnographic texts from the second half of the 19th century.

Key words: history of Russian ethnology, national identity of Russians, the Russian Empire in the second half of the 19th century, Great Russians, the visualization of ethnicity

Еще в эпоху Просвещения получили выражение три характерных принципа научного описания объектов окружающего мира: а) доминирование визуального восприятия, требующего от наблюдателя точной фиксации того, что он

видел сам; б) использование арсенала имеющихся сведений и суждений о том, что не стало объектом непосредственного наблюдения (историография), и в) информация историко-географического характера. Применительно к этнографии (ко-

ЛЕСКИНЕН Мария Войттовна / Maria LESKINEN

| «Физиономии» и типы России |

торая вплоть до конца XIX в. именовалась и трактовалась как народописание) это означало, что необходимы были а) прямой контакт с объектом исследования, б) некоторый объем знаний, позволявший уточнить изучение тех областей их жизни, которые не поддавались определению непосредственно, в процессе наблюдения; в) стандартный план или схема, упорядочивающая собранную информацию. Последняя повторяла известный набор элементов, нуждавшихся в неперменной фиксации, но отчасти являла собой результат научного осмысления универсальных особенностей всех человеческих сообществ — человека как вида. В ту же эпоху формировались стандарты европейских этнографических исследований; важнейшим методом исследования и структурирования в которых был визуальный. Он же оказался основным и в практическом ракурсе: текст этнографического описания рождался из необходимого комментария к иллюстрациям-«костюмам» (именно так репрезентировались представители разных этносов в последней трети XVIII в.¹) или же визуальное и вербальное описание создавались параллельно.

«Зрительные представления, — подчеркивает М. Фуко, — развернутые сами по себе, лишены всяких сходств, очищенные даже от их красок, дадут наконец естественной истории то, что образует ее собственный объект»². Этнографическое знание в эпоху Просвещения, как указывает Е. А. Вишленкова, и в прямом и в переносном смысле сначала «упаковывалось “в картинку”, а потом ... в письмо»³, а «специфика народа ... приписана не людям, а вещам», что отражало современную культуру видения мира⁴. Определение «другого» всегда осуществлялось по внешним приметам. Визуализация этнографического восприятия осталась доминантной и в науке XIX века: «согласно европейской традиции, во всех формах убеждающего и подчиняющего европейского знания заложено зрительное восприятие»⁵.

В первой трети XIX в. в российском научном дискурсе отчетливо прослеживается взаимосвязь понятия «народность» и словосочетания «физио(г)номия народа». «Физиономия» трактовалась как совокупность специфических черт, определяющих, прежде всего, визуальную узнаваемость представителей не столько этнонациональных, сколько региональных или профессиональных групп. Считалось, что в рамках государственных образований складываются общие в масштабах страны признаки и свойства ее жителей, создающие общую физиономию различных сообществ, объединяемых властью (нация). В. Г. Белинский писал: «невозможно представить себе народ, не имеющий особенных, одному ему свойственных обычаев; эти обычаи ... состоят в образе одежды, прототип которой находится в климате страны; в формах домашней и общественной жизни, причина коих скрывается в верованиях, поверьях и по-

нятиях народа ... Все эти обычаи ... составляют физиономию народа, и без них народ есть образ без лица»⁶. «Физиономия» народа осмыслялась как оригинальность культуры⁷, неповторимая индивидуальность часто объяснялась через категории «души» или «духа народа», и в этом случае особенно акцентировалась неизменность в истории какого-либо главного этнонационального свойства.

Кроме того, бытовала убежденность в том, что «самая наружность людей высказывает умственные и телесные силы, которые легко распознаются по очерку лица и образованию тела»⁸. В соответствии с этой закономерностью часто описывали предков русских — древних славян, обладавших многими положительными качествами «народов севера» (мужеством, волей, «силой и умом гибким»⁹), выраженными во внешних приметах: они отличались «лбом возвышенным, лицом круглообразным, носом продолговатым, ... ртом умеренным, губами небольшими и приятными, глазами открытыми, светлыми, большими голубоватыми, волосами тонкими, мягкими, длинными, ростом высоким, поступью гордою»¹⁰. Напротив, народы, внешний облик которых (лицо и тело) воспринимался наблюдателями как «неприятный» или некрасивый, однозначно рассматривались как носители определенных, связанных с конкретными признаками пороков. Сама по себе идея взаимосвязи внешнего и внутреннего (изоморфизма), несомненно, архаична и универсальна: она встречается практически во всех народоописаниях начиная с античности, но концепция прямолинейной физиогномики получает распространение благодаря трудам К. Г. Лафатера — в том числе и в России первой трети XIX в. Как показывают исследователи, она заимствовалась из раннего немецкого романтизма¹¹. Убежденность в возможности отображения добродетелей и пороков в человеческом лице, а также в облике типичного представителя всего этнического сообщества, применительно к этнографическим описаниям снимало вопрос о методах выявления специфически-этнических качеств нрава (черт национального характера). Концепты «народность», «физиономия народа» и «национальный характер» на этом этапе понимались как тесно взаимосвязанные и взаимообусловленные¹².

Словосочетание «физиономия народа» получило не только иносказательный смысл — как «характер лица или предмета»¹³, оно приобрело как метафорическое, так и терминологическое значение. Таким образом, «народная физиономия» выражала народное / национальное своеобразие, концентрировала в себе характерные качества внешности, поведения, обычаев этнической группы, отличающие его от других народов.

¹ Подробно об этом: Вишленкова Е. А. Визуальная антропология империи, или «увидеть русского дано не каждому». Препринт WP6/2008/04. М., 2008.

² Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. СПб., 1994. С. 160–167.

³ Вишленкова Е. А. Визуальная антропология империи. С. 36.

⁴ Там же. С. 33.

⁵ Миськова Е. В. Складывание стереотипов инокультурной реальности в англо-американской антропологии // Этнографическое обозрение. 1998. №1. С. 139.

⁶ Белинский В. Г. Литературные мечтания // Белинский В. Г. Полн. собр. соч. В 13-ти тт. М., 1953–1959. Т. I. М., 1953. С. 35–36.

⁷ Полевой Н. Очерки русской литературы. В 2-х ч. Ч. II. СПб., 1839. С. 485.

⁸ Терещенко А. Быт русского народа. СПб., 1848. С. 4.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же.

¹¹ Зорин А. Прогулка верхом в Москве в августе 1799 г. (из истории эмоциональной культуры) // НЛО. 2004. №65, режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nlo/2004/65/zorin11.html>

¹² Подр. об этом: Лескинен М. В. Поляки и финны в российской науке второй половины XIX века: «другой» сквозь призму идентичности. М., 2010. 368 с. Гл. 4.

¹³ Михельсон М. И. Ходячие и меткие слова. СПб., 1896. С. 472.

ЛЕСКИНЕН Мария Войттовна / Maria LESKINEN

| «Физиономии» и типы России |

Дефиниции «типа»

Понятия тип и типическое (типичное) в значении модели объекта во второй половине столетия входят в научный лексикон во многих областях науки. Расширяется сфера их применения, однако ведущую роль они играют в естественных дисциплинах, став определяющими в разного рода классификациях и обязательным инструментом идентификации исследовательского объекта.

Появление лексемы «тип» в естественно-научной систематике восходит к XVIII в., значение как фундаментального термина для создания таксономий вырастает благодаря трудам К. Линнея, Ж. Кювье, в России — К. М. Бэра. В зоологии понятие «тип» использовалось для выделения одного общего признака, на основании которого строилась систематика биологического разнообразия. Несмотря на очевидное влияние круга данных понятий на общественные науки 1830–40-х гг., область значений и методов выявления типичного в сфере социальных явлений более всего связана с процессами социально-исторического моделирования¹⁴.

В русском языке термины «тип» и «типическое» появляются в первой трети XIX века. Как установил Ю. С. Сорокин, «впервые это слово является в литературной критике 1830-х гг. и быстро становится популярным в новом общем и эстетическом смысле»¹⁵. Кроме того, это понятие использовалось для именованя «типов человеческого рода» (расы). По мнению С. Н. Зенкина, важность данного термина для философско-эстетических размышлений объясняет и другие значимые концепции эпохи: «само слово “тип”, ставшее популярным в эстетике и критике XIX века, ... этимологически означает форму... Эти формы, прилагаемые к материальной субстанции, — ... в принципе множественны, свободно комбинируются»¹⁶, что порождает идею множественности культурных типов. Наиболее яркое выражение эта концепция получила у Белинского: «Что такое тип в творчестве? ... человек-люди, лицо-лица, т. е. такое изображение человека, который замыкает в себе множество, целый отдел людей, выражающих ту же самую идею»¹⁷; «типичное лицо есть представитель целого ряда лиц, есть нарицательное многих предметов, выражаемое однако ж собственным именем...»¹⁸. При обосновании идеи типичного — так же, как и в различии народности и национальности — Белинский апеллировал к традиции словоупотребления «тип» в науках о природе («... В типе заключается торжество органичного слияния двух крайностей — общего и особенного»¹⁹). Таким образом, термин «тип» стал обозначать отличительные особенности вида (социального, психологического и др.) в образе одного человека (предмета, явления), переводя принцип изоморфности в новое качество. Обнаружение типичных черт становится не-

обходимой вспомогательной процедурой для этнической или национальной идентификации.

«Тип» стал также наименованием «определенного жанра — бытового, характерных очерков и сцен» — как в художественной литературе и публицистике, так и в живописи («с натуры»). С его развитием в конце 1840-х гг. он стал обозначаться как «физиологические очерки» или просто «физиологии». «Такое употребление развилось из обычного названия популярных в начале 1840-х очерков бытового характера, характеризующих лица по их социальным и профессиональным особенностям»²⁰, продолжавших традицию так наз. «криков», восходящую к европейскому жанру XVIII в. Сам термин и первые сочинения под этим наименованием появляются во Франции в 1830-е гг.²¹, их принято связывать с формированием нового — натуралистического или реалистического — направления в литературе.

Первые попытки вербального и визуального изображения «своего», т. е. русского и великорусского этноса, восходят к периоду формирования национальной идентичности в России (1820–1830-е гг.), при этом описание «своих» (социальных низов) строится по модели характеристики «другого», оно оперирует теми же принципами декрипции: изоморфизм, этноцентризм, доминирование отличительных признаков, выдаваемых за этнические особенности, а также акцент на этнографическом экзотизме. Физиологии эпохи романтизма использовали все характерные приемы этнографии.

И в России, и во Франции в 1840–50-е гг. «физиологии» стали выходить отдельными иллюстрированными изданиями. В. Г. Белинский в одной из рецензий на российский цикл (Сборник А. П. Башуцкого), который оценил довольно высоко, предъявлял особые требования к авторам. Не ставя физиологические зарисовки «с натуры» ниже художественной типизации, он считал, что их авторы должны обладать умениями «живописца с натуры» (типиста). «Сущность типа, — писал он, — состоит в том, чтоб, изображая, например, хоть водовоза, изображать не какого-нибудь одного водовоза, а всех в одном»²². Физиологические очерки издавались беспристрастными описателями нравов и включали словесные зарисовки внешнего облика, образа жизни, занятий, героев — главным образом, горожан. Часто их сопровождал подзаголовок, — например, «естественная история нравов» или просто «нравы», многие заметки представляли собой так наз. нравоописательные очерки. В них понятие «нравы» трактуется как «обычай». Главным отличием живописных иллюстраций этих типов от этнографических было то, что они воплощали не костюмы, а функции определенных групп, иногда расширяя объекты от понятия город до границ Империи²³.

Объектом изображения очерков были представители «своего» народа, хотя, как правило, низкого социального происхождения, но часто встречались изображения «типов» других этнических групп, — в том случае, когда имела место профес-

¹⁴ Голубицкий Ю. А. Физиологический очерк и становление социологии // Социологические исследования (СОЦИС). 2010. №3. С. 133–138.

¹⁵ Сорокин Ю. С. Развитие словарного состава русского литературного языка. 30-е–90-е гг. XIX в. Л., 1965. С. 124.

¹⁶ Зенкин С. Н. Французский романтизм и идея культуры. Аспекты проблемы. М., 2001. С. 21–22.

¹⁷ Белинский В. Г. Современник. Том одиннадцатый. Современник. Том двенадцатый // Белинский В. Г. Полн. собр. соч. Т. III. М., 1954. С. 52.

¹⁸ Белинский В. Г. Статьи о народной поэзии. Статья вторая // Там же. Т. V. С. 319.

¹⁹ Там же. С. 318.

²⁰ Сорокин Ю. С. Развитие словарного состава. С. 125.

²¹ Впервые употребил термин французский писатель и юрист Б. Саварен («Физиология вкуса», 1826), первым значительным произведением стал 10-томный труд П. Л. Крюммера «Французы в их собственном изображении».

²² Белинский В. Г. «Наши, списанные с натуры русскими» (1842) // Белинский В. Г. Полн. собр. соч. Т. V. С. 602–603.

²³ Вишленкова Е. А. Визуальная антропология империи. С. 20.

ЛЕСКИНЕН Мария Войттовна / Maria LESKINEN

| «Физиономии» и типы России |

сиональная «монополия» или узкая специализация в ремесленной или торговой деятельности. Таким образом подходил к изображению типов и художник В. Ф. Тимм.

Рис. 1.

Авторы очерков не обосновывали «типичность», т. е. характерность изображаемых персонажей, тем более, что свои заметки они объявляли «зарисовками с натуры». Как правило, над ними работали совместно писатели и художники. Однако гораздо более важным представляется не «практика» типов, а теоретическая подоплека возникновения данного жанра. Социолог Ю. А. Голубицкий абсолютно верно связывает возникновение «физиологий» с эволюцией научных интерпретаций (Ч. Дарвина, О. Конта и Г. Спенсера) взаимодействия индивида и социума, природы социального в целом²⁴. Однако не менее важен другой аспект: логически продолжая размышления исследователя, следует обратить внимание на понятие «организмизм». Перенесение слова из естественнонаучной лексики в социальную сферу (физиология живого организма — физиология социальной среды) — это не просто метафора, она приводит и к смысловому, и к методологическому заимствованию. Общество, уподобляясь целому организму, состоит из отдельных элементов — индивидов, каждый из которых занимает определенное место и имеет строго фиксированную функцию; как по отдельным органам можно судить обо всем организме, так и по

²⁴ Голубицкий Ю. А. Физиологический очерк. С. 133–138.

отдельной личности — об уровне развития всего социума. Эти идеи восходили к Шеллингу и наиболее яркое воплощение получили в России в творчестве «западников» (В. Г. Белинского и Н. И. Надеждина).

Важной стилистической особенностью «физиологий» была «объективизация», выражавшаяся в отсутствии сюжета, фиксации места, времени и обстоятельств процесса наблюдения над объектом, в детальном описании материального быта и образа жизни. Все эти черты можно определить как принципы «описательности» и приметы вербальной иллюстративности. Так же строились и первые этнографические очерки.

Новый этап употребления слова «тип» в русском языке современные исследователи относят к 1850-м гг., когда оно «тесно сближается семантически со словом «образец», обозначает предмет или лицо, характерное по своим признакам для ряда предметов и лиц»²⁵. В «Настольном словаре» (1863–1866) подчеркивается: «Отличается от идеала тем, что в подробностях не представляет совершенства, а стремится сблизиться с действительностью»²⁶. В Словаре Ф. Толля подчеркнута отличие типа от идеала (или от идеального типа, как бы мы сказали сейчас): тип воплощает как позитивные, так и негативные качества представляемого им объекта. При этом его важнейшими составляющими являются два «показателя»: с одной стороны, общность, а, с другой, отличительность (характерность) черт. Последние дефиниции очевидно сближают «тип» с современной его интерпретацией, которая четко отличает идеал от «идеально-типической конструкции», создаваемой «искусственно». Применительно к социальной группе «тип», таким образом, понимался как представитель, обобщенное лицо, персонаж, представляющий (репрезентирующий) реально существующее сообщество. Иначе говоря, начиная с середины столетия типы понимались как результат конструирования, а не точное воспроизведение реальности. Но при этом во второй половине XIX в. определение «типичный» / «типический» часто заменялось прилагательным «характерный» — т. е. воплощающий «совокупность отличительных свойств, качеств или недостатков предмета, лица или действия»²⁷. Так термин в повседневном словоупотреблении упрощается, его значение сводится к отличительности. Типичность человека или группы трактуется как обладание чертами, олицетворяющими непохожесть, различия.

Визуальные воплощения типов

Визуальное воплощение «физиологических типов» было популярно еще начиная с середины XVIII в.²⁸ Так называемые «живописные типы» — графические и литографированные изображения представителей различных регионов, профессий, сословий и возрастов украшали как альбомы «Живописных путешествий» (по собственной стране и за рубежом, в том числе и по России), так и первые этнографические описания. Наиболее

²⁵ Сорокин Ю. С. Развитие словарного состава. С. 125.

²⁶ Настольный словарь для справок по всем отраслям знания (Справочный энциклопедический лексикон). В 3-х тт, составленный под ред. Ф. Толля. СПб., 1863–1866. (Т. 3. СПб., 1864 — под ред. В. Р. Зотова и Ф. Толля). Т. 3. С. 669.

²⁷ Там же. С. 917.

²⁸ Подробно об этом см.: Вишленкова Е. А. Визуальная антропология империи. С. 9–30.

ЛЕСКИНЕН Мария Войттовна / Maria LESKINEN
| «Физиономии» и типы России |

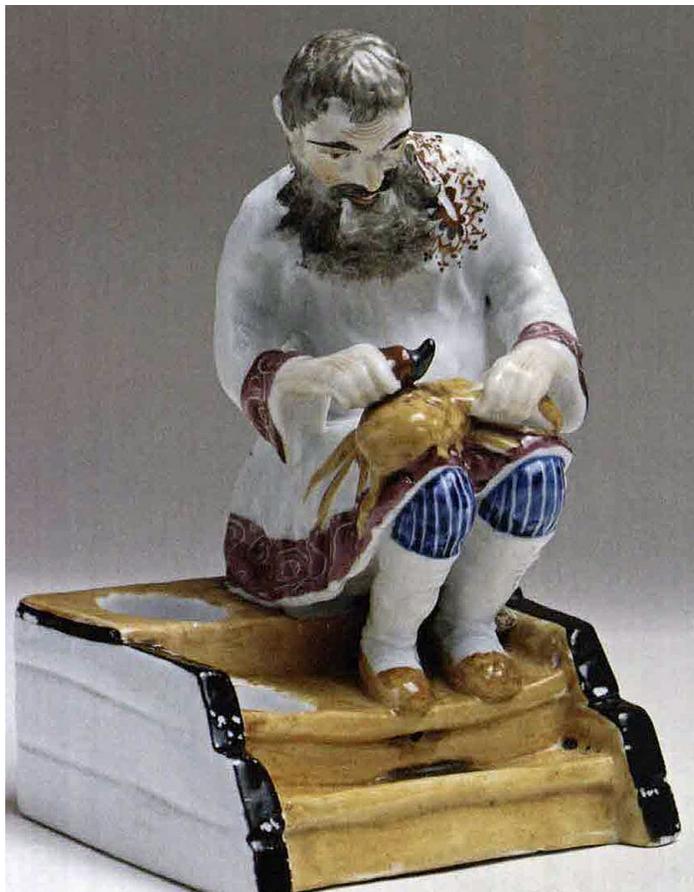

Рис. 2.

важную роль в стереотипизации этнических изображений в России сыграли рисунки к «Описанию народов» И. Г. Георги²⁹. Текст Георги представлял собой развернутые комментарии к гравюрам нюрнбергского художника Х. Рота, работавшего в России³⁰, его гравюры были сделаны по рисункам и экспонатам этнографических коллекций Академии наук и Кунсткамеры. Эти изображения племен и народов были так наз. «костюмами», многие воспроизводились в двух и более ракурсах: спереди, «с тылу» и сбоку. Стратегия этнической идентификации данных визуальных текстов подробно рассмотрена в работах Е. Вишленковой, которая заключает: «специфика народа в проекте Рота приписана не людям, а вещам», ... что «отражало современную культуру видения мира», в которой «костюм указывал на социальную роль, родоплеменную принадлежность, идейно и эстетическое содержание человека»³¹. Добавим: такое видение можно расценивать как важную примету архаически-традиционного типа идентификации индивида и группы, а в научном дискурсе оно обретает некоторые новые коннотации, связанные не только с доминированием визуализации в репрезентации нового (знания, мира, культуры) и этнических

²⁹ Георги И. Г. Описание всех в Российском государстве обитающих народов, а также их житейских обрядов, вер, обыкновений, жилищ, одежд и прочих достопамятностей. В 3-х ч. СПб., 1776–1777.

³⁰ Вишленкова Е. Н. Визуальная антропология империи. С. 30–33.

³¹ Там же. С. 33.

«других» в целом, но и с господством внешнего наблюдения в научном антропологическом исследовании³².

В первой трети XIX в. создаются первые серии декоративных скульптурных изображений (фигурок), созданных по этим гравюрам этнических и народных типов³³. Первые представляли собой «дополненные» трехмерным ракурсом иллюстрации из альбома Георги, вторые — воплощали в объеме излюбленные В. Ф. Тиммом «городские типы».

Позже эти же изображения активно использовались в тарелках так наз. Гурьевского сервиза, а также в многочисленных вариациях скульптур из серии «Народы Империи». И в них главными отличительные черты также ограничили костюмами, в этих видах иллюстративных репрезентаций главную роль играла одежда и вещественные атрибуты³⁴. Антропологиче-

Рис. 3.

ский облик или портретное сходство значения не имели, главным было запечатлеть явную «этноотличительность».

Следующим этапом визуальных этнографических репрезентаций, причем предпринятых для удовлетворения интереса европейской элиты, стал альбом «Народы России» Карла Рехберга (Париж, 1812–1813), для которого делал рисунки и гравюры русский художник Емельян Корнеев во время своих путе-

³² Лескинен М. В. Поляки и финны. Гл. 1, 3.

³³ Вишленкова Е. А. Визуальная антропология империи. С. 42.

³⁴ Лескинен М. В. Материальные атрибуты этнической идентификации в визуальных репрезентациях народов России XIX в. // Традиционная культура. 2011. № 1 (41). С. 47–58.

ЛЕСКИНЕН Мария Войттовна / Maria LESKINEN

| «Физиономии» и типы России |

шествий по стране³⁵. Важной особенностью гравюр Корнеева является очевидный сегодня диссонанс между относительно реалистичным изображением неславянских народов и более чем условными образами великорусов.

Именно в них этнографическая точность во многом утрачена; персонажи многофигурных композиций выглядят как актеры «живых картин» или театральной постановки на античные темы. Такое изображение русских (великорусов) вызвано не только отсутствием традиции их визуализации, но и принципиальной нерешенностью вопроса о сущности русскости как таковой (ее сословных и региональных вариаций и общенациональной типичности).

В иллюстрациях к «физиологиям» вопрос о способах и процедуре типизации занял важное место (например, рисунки и гравюры 1842–43 гг., созданные под руководством российского художника Василия Тимма для сборника «Наши, списанные с натуры русскими» (1843) — о жителях Петербурга). Важным требованием визуального и вербального текстов стала узнаваемость образов. В отличие от статичных и удобных для зрителя изображений Корнеева эти и другие тиммовские «типы» создавались в соответствии с идеями физиогномики, поэтому художники обнаруживали в выражении лица, фигурах, позах и жестах характерные социальные и этнические отличия. Благополучие также отражалось во внешних приметах; они становились свидетельством процветания или бедности всей группы (народа, племени) в целом³⁶. На первом месте — признаки социальной принадлежности, поэтому одежда, как правило, выбиралась праздничная или профессионально-повседневная. Будучи перенесенным на изображение типов, прямолинейно трактуемый принцип изоморфности делал ненужными дополнительные детали: достаточно было тщательно прорисовать особенности лица, позы и одежды, акцентируя цветовую гамму и указывать на главные приметы хозяйственной деятельности, но не домашнего обихода.

В 1862 г. в Санкт-Петербурге был издан роскошно иллюстрированный альбом Густава Теодора Паули «Этнографическое описание народов России»³⁷. Все рисунки для него были сделаны или с натуры, или по материалам коллекций Русского Географического Общества, а краткие тексты писали ученые-этнографы. В репрезентации народов Паули больше, чем в аналогичных альбомах ранее, изображений восточных славян («русских») Империи. Это связано с активизацией изучения «своего» крестьянства. Жанровые сценки уже мало интересуют художников — несмотря на то, что многие зарисовки сделаны с натуры, зрительское внимание приковано к одухотворенным и идеализированным лицам (как у Корнеева), а в одежде и весьма малочисленных вещественных атрибутах заметна тенденция к представлению типично-обобщенного).

Именно в альбоме Паули в многочисленных иллюстрациях великорусов разных регионов отчетливо выразился этап

³⁵ Жабрева А. Живописные зарисовки путешествующего художника // Рехберг К. Народы России, или описание нравов, обычаев и костюмов различных национальностей Российской империи. Париж, 1812–1813. М., 2007. С. 1–V.

³⁶ Тимм В. Иллюстрации к «Физиологии Петербурга» («Физиологии Петербурга, составленной из трудов русских литераторов», сост. под ред. Н. Некрасова. СПб., 1843).

³⁷ Паули Г. –Т. Народы России. Санкт-Петербург, 1862. М., 2007.

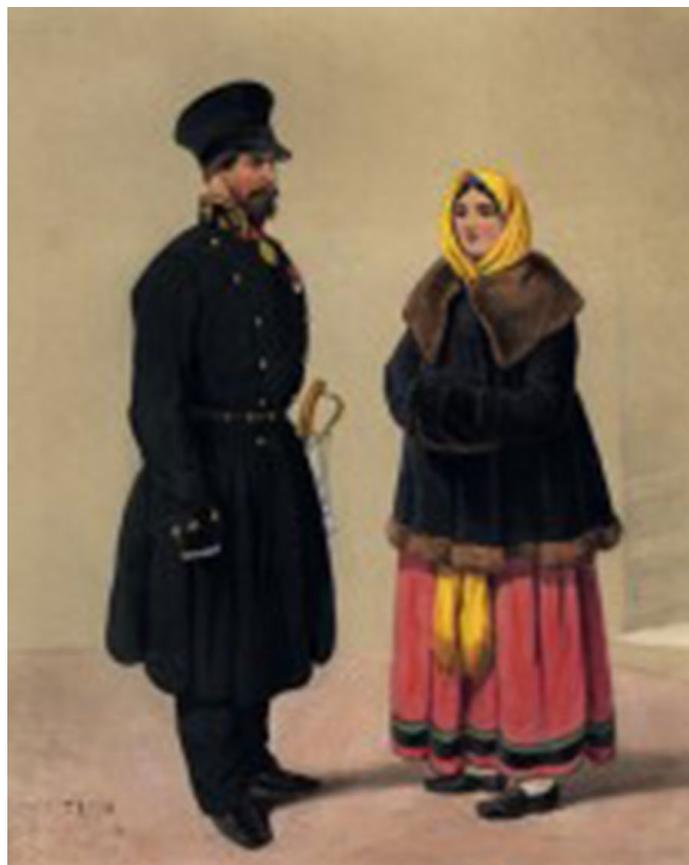

Рис. 4.

формирования общенационального (как протонационального) облика из различных локальных вариаций, начало которого исследователи относят к первой трети XIX в. Великорусы репрезентируются пока не как единый тип, а как комплекс локальных образов. Сарафан и кокошник в альбоме Паули еще не обозначены типично-великорусскими элементами женского костюма в целом (что будет доминировать уже в 1870–х гг., а в конце столетия войдет в канон национально-русского женского костюма)³⁸, а лишь как северно-русская его разновидность.

Теоретическая разработка концепции типа воплотилась, таким образом, и в способах визуального конструирования этнического. Материальные признаки «закрепляются» за одним или несколькими, они связаны не с конкретно-реалистически, а обобщенно-собрательными образами/типами этносов и их региональных вариаций и являются результатом конструирования. На создание этнонациональной символики влияли визуальные образы России и ее народов, создаваемые прежде всего «на экспорт». Рассчитанные на внешнего (иностранного) потребителя, они постепенно осваивались и «присваивались» русским обществом.

Тип великоруса

Не останавливаясь подробно на том, как решалась проблема великорусского типа (одна из наиболее спорных в теоретическом отношении) в организационно-научном изучении и в ре-

³⁸ Русский народный костюм из собрания Государственного музея этнографии народов России. Л., 1984.

ЛЕСКИНЕН Мария Войттовна / Maria LESKINEN

| «Физиономии» и типы России |

презентациях³⁹, отметим, что вопрос о его «избрании» оказался в центре дискуссий в ходе подготовки Этнографической выставки 1867 г. в Москве⁴⁰. Манекены, представляющие различные народы Земли и Российской империи в их естественной бытовой и природной обстановке, должны были быть созданы по фотографиям и «бюстам».

Рис. 5.

Далее по ним художникам следовало выполнить лица и фигуры. Комитет по организации разработал следующие указания: «В отношении выражения лица ... желательно правдивое соответствующее действительным условиям характера племенного выражение, в котором художник не украшал бы естественные черты данного лица и не уклонялся бы от типичности»⁴¹. В этом случае, как оказалось, различие типа и идеала стало важной методологической установкой.

³⁹ Подробнее об этом см.: *Могильнер М.* Номо Imperii. История физической антропологии в России. М., 2008. Гл. 6.

⁴⁰ Подробнее об этом: *Найт Н.* Империя на просмотре: этнографическая выставка и концептуализация человеческого разнообразия в пореформенной России // *Власть и наука, ученые и власть. Материалы международного научного colloquium.* СПб., 2003. С. 453; *Лескинен М. В.* Великороссы / великорусы в российской научной публицистике (1840–1890) // *Славяноведение.* 2010. №6. С. 3–17; *Лескинен М. В.* Материальные атрибуты.

⁴¹ Всероссийская этнографическая выставка, устроенная Императорским обществом любителей естествознания, состоящим при Московском университете в 1867 году. М., 1867. С. 5.

Поскольку основным принципом этнографического описания на протяжении столетия было словесное и визуальное иллюстрирование, эта форма изложения стала преобладающей и в учебной литературе, и в этнографических трудах, и в музейном деле, что имело очевидные последствия. «Изящество и наглядность» (так в плане Этнографической выставки характеризовались преимущества избранной формы репрезентации⁴²) казались важными задачами популяризации. В размещении отдельных экспонатов, демонстрировавших облик и быт народов, организаторы руководствовались прежде всего стандартом типичности: «(экспонаты. — М. Л.) должны быть размещены по возможности в их естественной обстановке, с атрибутами их домашнего быта, и каждая группа должна быть размещена так, чтобы она отражала какую-либо *характеристическую черту* этого последнего»⁴³.

В инструкции для фотографов содержалось детальное определение типичного: «При выборе лица ... должно руководствоваться типичностью их, понимая под этим такие лица, которые в данном племени и данной местности встречаются чаще других. В тех случаях, где художник затрудняется выбором лица, то было бы желательно, чтобы преимущественно он пользовался лицами крестьян и купеческого сословия и сельского духовенства»⁴⁴. Здесь физический тип (лица) понимался как наиболее распространенный комплекс различных антропологических параметров (относящийся в первую очередь к данным краниологии). Собственно теоретическая часть работы по выявлению типов была возложена на фотографов и художников, а не на специалистов-антропологов⁴⁵.

Уже в процессе исполнения этих задач возникли проблемы с определением великорусского типа. С. В. Максимов так объяснял трудность: «племя это отличается именно тем, что в нем трудно находить одно лицо, похожее на другое ... Едва ли только не говор один до сих пор может почитаться в числе общих особых примет...»⁴⁶. Здесь указан основной способ выявления типичного — вычленение сходных черт внешнего облика. Но в случае с великорусами определение общих черт для всех многочисленных региональных групп не представлялось возможным. Существовал, однако, и другой путь: принять за великорусский тип носителя наиболее характерного облика, населяющего территории, именуемые великорусскими, исходя из того, что их жители в физическом отношении в наибольшей

⁴² Там же. С. 3.

⁴³ Там же.

⁴⁴ Там же. С. 13.

⁴⁵ Обращает на себя внимание и тот факт, что даже с активным применением фотографии в конце XIX века именно работа художников продолжала расцениваться в качестве более «объективной» и репрезентативной с точки зрения запечатления *типа*, поскольку фотографирование было связано с некоторой принудительностью и волеизъявлением: «она дает изображение, лишенное индивидуальности и жизненности», «изображение типов художниками ... всегда будет стоять несравненно выше фотографических ... снимков. Художник может выдвинуть именно те особенности, ... которые наиболее характерны с точки зрения этнографии или патологии». Однако, это не исключало и опасений в том, что художник все же не может быть абсолютно объективен: он рискует принести в изображение «помимо своего сознания ... те черты, которые по его предвзятому мнению, кажутся ему существенными» (*Петри Э. Ю.* Антропология. В 2-х тт. СПб., 1895–1897. Т. 2. СПб., 1897. С. 41, 45–46).

⁴⁶ Всероссийская этнографическая выставка. С. 74–75.

ЛЕСКИНЕН Мария Войттовна / Maria LESKINEN

| «Физиономии» и типы России |

степени сохранили признаки, свойственные предкам на начальной стадии формирования, т. е. когда смешение финских и славянских племен уже произошло, но еще не подверглось воздействию других народов. Такой позиции, в частности, придерживался в начале 1860-х историк С. В. Ешевский. Он «избрал» «лучшим представителем» чистого великорусского типа жителей Московской, Ярославской, Владимирской, отчасти Костромской губерний⁴⁷ — как центральных и бесспорных частей Великорусских губерний.

Иллюстративность, таким образом, оказывается не только способом описания, но и методом исследования и репрезентации. Критерии соответствия научной объективности можно кратко определить в следующей формуле, которой руководствовались ученые: «соответствие реальной действительности, научная объективность, типичность».

«Типичный»: расчет и интуиция

Представление о типичном облике в этнографическом отношении варьировалось даже среди специалистов. Наиболее распространено, как можно предположить, было суждение о том, что носителем типичного мог считаться реально существующий человек, облик которого казался определенной группе общества обладающим характерными элементами внешности («нос в форме луковицы»), которые, в свою очередь, отражают присущие этнической группе черты нрава (лукавство или глупость).

Антрополог А. П. Богданов высказывал уже знакомое определение типичного как соединения характерных признаков общности, но не видел «объективных» методов его установления⁴⁸. Следует отметить некоторые внерациональные основания для выявления типа, которые ученый считал общепринятыми, но не расценивал как ненаучные: «...подмечая ряд подобных определений русской физиогномии (русак, типично русское лицо) ... можно убедиться, что не нечто фантастическое, а реальное лежит в этом общем выражении “русская физиогномия, русская красота” . . . В каждом из нас существует довольно определенное понятие о русском типе...»⁴⁹. Последнее утверждение весьма значимо, поскольку оно исходит от ученого-антрополога и находится в полном соответствии с рассмотренным ранее убеждением, что идентификация этнической принадлежности — несложная, опирающаяся на зрительные стереотипы и трудно поддающаяся логическому анализу процедура, основанная на интуиции. К такому же выводу приходили и другие антропологи. Э. Тайлор, реконструируя механизм определения физического типа, описал две схемы: «обывательскую» (используемую путешественником), и «научную» — применяемую антропологом, но при изучении «других» и резюмировал: «грубый прием, употреблявшийся путешественниками» — выявление типического при помощи исключительно визуального наблюдения (т. е. буквально «на

глазок») «на самом деле довольно точен»⁵⁰, поскольку дает те же самые результаты, к которым приходят и ученые, причем «обыватели» достигают их безо всяких антропометрических измерений.

Таким образом, дилемма заключалась в том, как выбирать репрезентативные образцы: это лучшие представители (в двух значениях: обладающие наиболее ярко выраженными общими чертами или наиболее привлекательными) или «средние» (сконструированные несколько искусственно), т. е. наиболее распространенные типы. Вопрос имел значение и для определения (или «назначения») типичного национального пейзажа, наиболее характерных — национальных — явлений культуры и искусства, стилей в широком смысле, и, конечно, национального характера. Одним словом, без типа была невозможна никакая репрезентация «своего» (в узком смысле — русского или в еще более конкретном — великорусского) и «нашего» (имперского, российского, включающего отражение идеи полиэтничности Империи). Во втором случае установление пространственно-этнических типов могло казаться и вторичным — поскольку главные принципы должны были быть выделены на примере «своего».

Изображения великоруса

Описание внешности великоруса — в соответствии с принятыми стандартами этнографической репрезентации народов (племен) осуществлялось и во второй половине XIX века по-прежнему в соответствии с принципом изоморфизма: в облике типичного представителя усматриваются черты народного нрава (темперамента), характера. Вот характерный пример: «эти загорелые, бородатые лица, с которых до сих пор точно не бежало сполна робкое, забитое выражение какой-то покорности и страха, целыми веками искусственно прививавшееся им»⁵¹. В научных текстах заметно влияние новых — антропологических — исследований: теперь в лице и телосложении отмечаются приметы различных «физических типов». Особенно это характерно для описаний великорусов, которые, согласно общепринятому в это время убеждению, представляли собой результат смешения финно-угров и славян. Однако, как писал В. Воробьев, «за местными или . . . областными отличиями можно все-таки найти много между ними сходного, можно, следовательно, описывать так называемый общий великорусский тип»⁵².

У великорусов фиксируются: «красивые черты лица, средний рост и хорошее сложение»⁵³. Вновь актуальным становится вопрос о том, какая социальная группа лучше всего сохраняет специфически-этнические черты в облике. В этой области «конкурировали» крестьяне и мещане городов из так наз. «великорусского этнографического ядра» — т. е. центральной Великороссии: «желая знать внешнее обличье, привычки обычаи великорусов, мы должны . . . изучать их не у дворян, ни у какого другого сословия, а именно у крестьян. . . крестьяне больше

⁴⁷ Ешевский С. В. О значении рас в истории // Русская расовая теория до 1917 года. Сборник оригинальных работ русских классиков / Под ред. В. Б. Авдеева. В 2-х вып. Вып. 1. М., 2004. С. 96–97.

⁴⁸ Богданов А. П. Антропологическая физиогномика // Там же. С. 126–127.

⁴⁹ Там же. С. 133–134.

⁵⁰ Тайлор Э. Антропология (Введение к изучению человека и цивилизации). СПб., 1908. С. 78–79.

⁵¹ Григорьева Н. В. Из писем // Григорьева Н. В. Путешествие в русскую Финляндию. Очерк истории и культуры. СПб., 2002. С. 125.

⁵² Воробьев В. В. Великорусы. Очерк физического типа // Русская расовая теория до 1917 года. Вып. 1. С. 165.

⁵³ Великорусы (Народы России. Этнографические очерки) // Природа и люди. 1878. №6. С. 4.

ЛЕСКИНЕН Мария Войттовна / Maria LESKINEN
| «Физиономии» и типы России |

других сословий сохранили и чистую, не смешанную великорусскую кровь»⁵⁴.

Рис. 6.

«На вид большая часть коренного великорусского населения роста среднего или немного повыше среднего, с широкими плечами и крепким коренастым сложением, давшим им силу вынести в своей долгой . . . жизни и монгольское иго, и многое множество всяких бед и невзгод. Мягкие, нередко волнистые русые волосы на голове расчесаны обыкновенно . . . на обе стороны; . . . лицо обрастает усами и бородой. . . Глаза у великорусов чаще всего серые или серо-голубые, нередко и светло-карие, темные (почти черные и черные) глаза, как и волосы — в редкость. Лицо — широкое, но и длинное, открытое, нос часто несколько вздернутый, на кончике слегка приплюснутый. Эти приметы, равно как и целый ряд других мелких примет . . . отличают великоруса от других народов настолько, что пусть даже человек молчит, пусть будет он и без одежды, . . . сразу можно все-таки сказать, что перед нами великорус»⁵⁵.

⁵⁴ Воробьев В. В. Великорусы. С. 174.

⁵⁵ Там же. С. 174–175.

Авторы этнографических очерков постоянно подчеркивают разнообразие великорусского этнического типа; внешний облик групп в различных регионах даже только Европейской России разнится очень сильно. Причины этой вариативности виделись, во-первых, в климатическом разнообразии и как следствие, приспособлении человека к природным особенностям, а, во-вторых, в метисации, ассимиляции с другими народами: «воздействие племен чуждых на образование народного русского типа несомненно»⁵⁶.

Так, например, поморы, описываемые как прямые потомки новгородцев, характеризуются как «рослые, сильные, красивые, русые или темно-русые с большими окладистыми русыми бородами»; «все они очень сильны, стройны, крупны, с очень правильными чертами, волосы . . . темно-русые, глаза серые или карие, цвет бороды почти у всех слабо-рыжеватый». «Я был поражен, — приводится у Н. Ю. Зографа анонимное свидетельство описателя, — красотой типа, ростом, правильным сложением, и не только в мужчинах, но также и в женщинах»⁵⁷.

Рис. 7.

⁵⁶ Кюн К. Народы России. СПб., 1888. С. 6.

⁵⁷ Русские народы. Наброски пером и карандашом. Тексты под ред. проф. Н. Ю. Зографа. В 3-х чч. Ч. I. Европейская Россия. М., 1894. С. 9.

ЛЕСКИНЕН Мария Войттовна / Maria LESKINEN

| «Физиономии» и типы России |

В. И. Немирович-Данченко в своем очерке о русских женщинах также выделял в качестве примера красивого великорусского женского типа поморку: «крупная, сильная, полная ... Физическая сила северянки феноменальная, рост выдержал бы ... соперничество с любым великаном наших гвардейских полков... Черты лица ее красивы и правильны»⁵⁸. Там же очеркисту довелось видеть «блондинок с необыкновенно нежным цветом тонкого, овального личика, на котором особенно выразительно сияют крупные темно-голубые глаза и в прелестную улыбку складываются алые, безукоризненно сложенные губы»⁵⁹. Автор заключает, что два великорусских типа — северный (где не знали ни татаро-монгольского ига, ни жестких форм крепостничества, ни голода и нищеты) и южный (менее славянский и иной по этнокультурным характеристикам и менталитету), сильно отличается от крестьянских типов нечерноземной полосы, внешность которых отражает горе, нужду и забитость⁶⁰. И «совсем иными являются крестьяне Архангельской и Вологодской губерний ... вдали от больших водных путей»: их черты лица менее правильны, у них курносый нос, они «более низкого роста, с глазами более узкими, чем у великороссов, населяющих берега Северной Двины и Сухони»⁶¹. Несоответствие идеалам красоты объясняется автором следствием смешения с «некрасивыми» финно-уграми. Это непрофессиональное наблюдение полностью подтверждалось масштабными антропометрическими исследованиями конца XIX столетия: в них отчетливо выделялось два подтипа великороссов⁶², наделяемых признаками «северной» и «южной» подгрупп («высокорослые» и «низкорослые» великорусы).

Таким образом, расовые (т. е. антропологические) отличия во второй половине XIX в. возможно было установить точными методами, что укрепляло убежденность в возможности объективного описания и оценки физических качеств этнической группы. Однако восприятие внешнего облика, «физиономии» народа еще продолжало оставаться областью, в которой наблюдатели более руководствовались собственными эстетическими предпочтениями (индивидуальными, социальными, гендерными, профессиональными, культурными и др.), нежели «объ-

⁵⁸ Немирович-Данченко В. И. Русская женщина // Швейгер-Лерхенфельд А. фон Женщина. Ее жизнь, нравы и общественное положение у всех народов земного шара. Пер. с нем. М. И. Мерцаловой. СПб., 1889. С. 644.

⁵⁹ Там же.

⁶⁰ Там же. С. 648–656.

⁶¹ Русские народы. С. 9.

⁶² Анучин Д. Н. Великоруссы // Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. Е. Ефрона. В XLII тт. (82 полутт.) / Под ред. Е. И. Андреевского. СПб., 1890–1907. Т. Va (п/т 10). СПб., 1892; Зограф Н. Ю. Антропометрические исследования мужского великорусского населения Владимирской, Ярославской и Костромской губерний // Труды Отдела антропологии. Т. XV. М., 1892. Гл. VI.

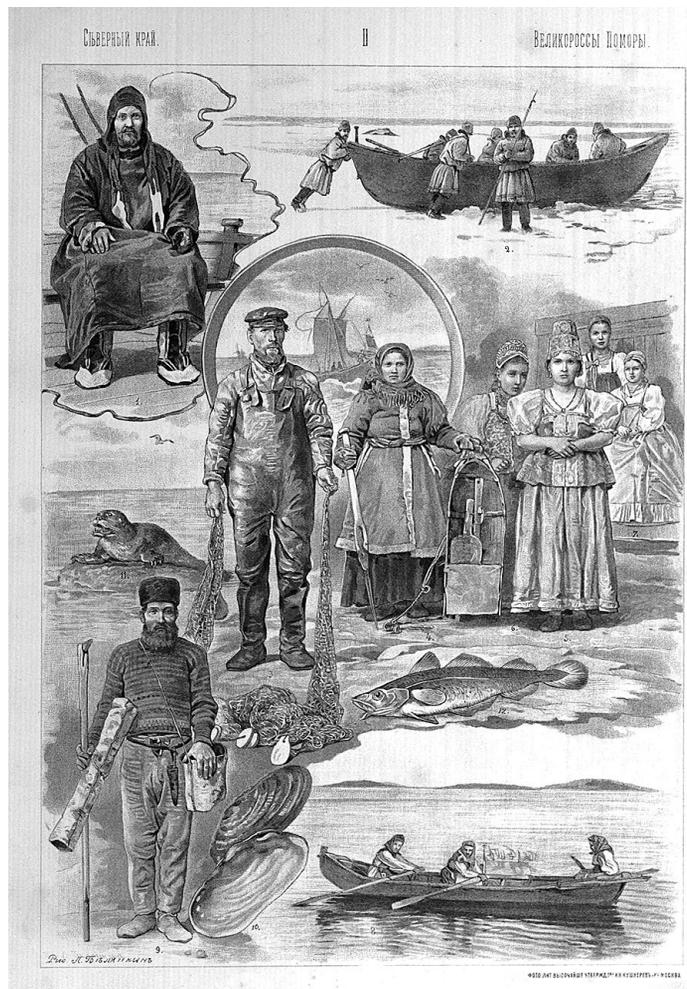

Рис. 8.

ективными» данными. Впрочем, и ученые, и путешественники не рефлексировали по поводу того, почему те или иные черты казались им привлекательными или отталкивающими. Естественным (обывательским) этноцентризмом трудно объяснить эту особенность восприятия, так в народоведческих исследованиях спектр оценок внешности различных народов империи весьма широк: в них часто встречаются негативные характеристики физического облика представителей собственного этноса и, напротив, восхищение красотой и привлекательностью других народов. Великорусы в конце столетия были представлены главным образом в фотоизображениях; активно использовались репродукции живописных и скульптурных изображений, что отождествляло научную и «интуитивную» типизацию; точность методов и аргументации выдерживалась только в антропологических исследованиях.

